

ДЖЕЙН БОУЛЗ

ДВЕ СЕРЬЕЗНЫЕ
ДАМЫ

INSPIRIA

Москва
2021

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б72

JANE BOWLES
Two serious ladies

TWO SERIOUS LADIES
Copyright © 1943, Rodrigo Rey Rosa
All rights reserved

Под редакцией *Ш. Мартыновой*

Иллюстрация на переплете *Лидии Куружук*
Дизайн-студия Twenty Twos

Боулз, Джейн.

Б72 Две серьезные дамы / Джейн Боулз ; [перевод с английского М. Немцова]. — Москва : Эксмо, 2021. — 256 с.

ISBN 978-5-04-122427-1

Эксцентричная и авантюрная Кристина Гёринг встречается на вечеринке тревожную, но столь же решительную миссис Копперфилд.

Две серьезные дамы, страстно желающие выбраться из скорлупы, отправляются на поиски себя: миссис Копперфилд — с мужем в Панаму, где находит утешение среди женщин из публичных домов, а мисс Гёринг познает новых мужчин. Две дамы встречаются снова. Преображенные опытом, они уже совершенно не те неудовлетворенные аккуратной жизнью представительницы высшего общества. А кто они?

Анархическая, глубокая и очень забавная, «Две серьезные дамы» — история, которую не вписать ни в какие рамки.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Немцов М., перевод на русский язык, 2021
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-122427-1

*Полу, Матери и Хелвеше*¹

¹ Хелвеша Пёркинз (1895—1965) — разведенная женщина, с которой Джейн Боулз познакомилась в Мексике в 1940 г., когда работала над «Двумя серьезными дамами». Они жили вместе с 1943 по 1946 г., а весь их роман длился до 1958 г. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

Часть первая

Отец Кристины Гёринг был американским промышленником немецкого происхождения, а мать — нью-йоркской дамой из весьма именитой семьи. Первую половину своей жизни Кристина провела в очень красивом доме (не дальше часа езды от города), который унаследовала от матери. Именно здесь растили ее вместе с сестрой Софи.

Ребенком Кристина очень не нравилась другим детям. Из-за этого она никак особенно не страдала, поскольку вела, даже в очень раннем возрасте, насыщенную внутреннюю жизнь, которая урезывала ей наблюдения за всем, что бы ни происходило вокруг нее, до такой степени, что она так и не набралась манер, бывших тогда в моде, и в десять лет другие маленькие девочки называли ее старомодной. Даже тогда вид у нее был, как у определенных изуверов, что считают себя вождями, ни разу не заслужив уважения ни единого человека на свете.

Крестину кошмарно беспокоили мысли, что никогда б не пришли в головы ее сверстницам, и в то же время она принимала как должное такое положение в обществе, какое любой другой ребенок счел бы невыносимым. Время от времени какая-нибудь соученица жалела ее и пыталась сколько-то водиться с нею, но Кристина отнюдь не бывала за это благодарна — напротив, она изо всех сил про-

бовала втянуть новую подружку в культ того, во что бы сама она в то время ни верила.

Сестрой же ее Софи в школе все весьма восхищались. Та обнаружила в себе заметный талант к сочинению стихов и все время проводила с тихой девочкой по имени Мэри, на два года ее младше.

Когда Кристине исполнилось тринадцать, волосы у нее были очень рыжими (почти такими же рыжими остались они и когда она выросла), щеки — водянистыми и розовыми, а нос являл следы аристократизма.

В тот год Софи приводила с собой Мэри домой обедать почти каждый день. Поев, она брала Мэри на прогулку в лесок и прихватывала им обеим по корзинке, в каких приносить обратно цветы. Кристине ходить на такие прогулки Софи не разрешала.

— Ты должна чем-то своим заняться, — говорила ей Софи. Но Кристине было трудно придумать такое, что понравилось бы ей самой. Она привыкла претерпевать множество умственных борений — обыкновенно религиозной природы — и предпочитала быть с другими и устраивать игры. Как правило, игры эти оказывались весьма нравственны и в них часто фигурировал Бог. Однако больше никому не нравились они, и ей приходилось почти весь день проводить в одиночестве. Разок-другой она пробовала ходить в лесок одна и возвращаться оттуда с цветами, подражая Мэри и Софи, но всякий раз, опасаясь, что вернется, а цветов на красивый букет ей не хватит, она так нагружала себя корзинками, что прогулка казалась скорей испытанием, а не удовольствием.

Кристина желала, чтобы после обеда Мэри принадлежала ей одной. Однажды солнечным днем

Софи ушла в дом на свой урок фортепиано, а Мэри осталась сидеть на травке. Кристина, бывшая неподалеку и это увидевшая, вбежала в дом, сердце у нее билось от возбуждения. Она скинула туфли и чулки и осталась в короткой белой сорочке. Смотреть на это оказалось не очень приятно, поскольку Кристина в то время была весьма громоздка, а ноги у нее выглядели довольно толстыми. (Невозможно было предвидеть, что превратится она в высокую и элегантную даму.) Она выбежала на лужайку и велела Мэри смотреть, как она танцует.

— Только не отводи от меня глаз, — сказала она. — Я исполню танец поклонения солнцу. А затем покажу, что лучше уж у меня будет Бог и не будет солнца, чем солнце и без Бога. Понимаешь?

— Да, — ответила Мэри. — Ты это сейчас будешь?

— Да, прямо здесь. — Внезапно она затанцевала. Танец был неуклюж, а все жесты ее — нерешительны. Когда из дома вышла Софи, Кристина занималась тем, что бегала взад и вперед, молитвенно сложив руки.

— Что это она делает? — спросила у Мэри Софи.

— Кажется, танец солнцу, — ответила та. — Велела мне сидеть и смотреть на нее.

Софи подошла туда, где Кристина как раз крутилась на одном месте и вяло трясла руками в воздухе.

— Прилипала! — произнесла она и вдруг толкнула сестру на траву.

Кристина после этого долго держалась подальше от Софи, а стало быть — и от Мэри. Однако выпал ей еще один случай оказаться с Мэри наедине, и случилось это потому, что однажды утром у Софи ужасно

разболелся зуб, и гувернантке пришлось немедленно вести ее к зубному. Мэри же об этом ничего не слышала и днем пришла, рассчитывая, что Софи окажется дома. Кристина была в башне, где часто собирались дети, и увидела, как та подходит по дорожке.

— Мэри, — завопила она, — поднимайся сюда. — Когда девочка пришла в башню, Кристина спросила, не хотелось бы ей сыграть с нею в одну очень особенную игру. — Называется «Прощаю тебя за все твои грехи», — сказала Кристина. — Только тебе нужно снять платье.

— Будет интересно? — спросила Мэри.

— Мы в нее играем не ради интереса, а потому что играть в нее необходимо.

— Ладно, — ответила Мэри, — я с тобой поиграю. — Она сняла платье, и Кристина надела Мэри на голову старый джутовый мешок. В джуте она вырезала две дырочки, чтоб Мэри могла смотреть, а на поясе ей завязала веревку.

— Пойдем, — сказала Кристина, — и тебе отпустят все твои грехи. Повторяй сама себе: «Пускай Господь простит мне все мои грехи».

Вместе с Мэри поспешила она вниз по лестнице, а затем по лужайке к леску. Кристина пока еще толком не знала, что намерена делать, но была очень сильно взбудоражена. Они подошли к ручейку, бежавшему по лесной опушке. Берега у него были мягкими и грязными.

— Подойди к воде, — сказала Кристина, — думаю, вот как мы смоем с тебя грехи. Тебе надо встать в грязь.

— Возле грязи?

— В *саму* грязь. Горек ли грех у тебя во рту? Должен быть горек.

— Да, — неуверенно ответила Мэри.

— Тогда ты же хочешь быть чиста и беспорочна, как цветочек, правда?

Мэри не ответила.

— Если не ляжешь в грязь и не дашь мне обложить всю тебя грязью, а потом не вымоешься в ручье, останешься навеки проклята. Хочешь быть навеки проклята? Решать нужно сейчас же.

Под своим черным клобуком Мэри стояла, не произнося ни слова. Кристина толкнула ее наземь и принялась обмазывать мешковину грязью.

— Грязь холодная, — пожаловалась Мэри.

— Зато адское пламя жаркое, — сказала Кристина. — Если дашь мне доделать — не отправишься в ад.

— Только ты недолго, — сказала Мэри.

Кристина была очень взволнована. Глаза у нее сверкали. Она лепила на Мэри все больше и больше грязи, а потом сказала ей:

— Теперь ты готова очиститься в водах.

— Ох, прошу тебя, нет, только не в воду — я ненавижу в воду заходить. Я боюсь воды.

— Забудь обо всем, чего боишься. Бог смотрит сейчас за тобой, и Он тебе пока что не сочувствует.

Она подняла Мэри с земли и вошла в ручей с нею на руках. Свои туфли и чулки снять она забыла. Платье у нее все было в грязи. Затем она погрузила в воду тело Мэри. Та смотрела на нее через дыры в джуте. Ей не пришло в голову сопротивляться.

— Трех минут хватит, — сказала Кристина. — Я немножко за тебя помолюсь.

— Ой, не надо, — взмолилась Мэри.

— Конечно, надо, — произнесла Кристина, подняв к небу взгляд. — Милый Боженька, — прогово-

рила она, — сделай эту девочку Мэри такой же чистой, как Сын Твой Иисус. Смой с нее грехи так, как вода сейчас смывает с нее грязь. Этот черный мешок доказывает тебе, что она считает себя грешницей.

— Ой, хватит, — прошептала Мэри. — Он тебя слышит, даже если ты про себя говоришь. А ты так орешь.

— Три минуты, кажется, прошло, — сказала Кристина. — Пойдем, дорогая, теперь можно встать.

— Побежали к дому, — сказала Мэри. — Я до смерти замерзла.

Они побежали к дому и по задней лестнице, что вела в башню. В комнате башни было жарко, потому что там не отпирали окон. Кристине вдруг стало очень скверно.

— Ступай, — сказала она Мэри, — иди в ванну и смой с себя все. Я буду рисовать. — Ей было очень не по себе. «Все кончено, — сказала себе она, — наигрались. Велю Мэри идти домой, когда вытрется. Дам ей с собой цветных карандашей».

Мэри вернулась из ванны, завернувшись в полотенце. Она еще дрожала. Волосы у нее были мокрыми и прямыми. Лицо выглядело меньше, чем обычно.

Кристина отвернулась от нее.

— Игра закончена, — сказала она, — всего несколько минут — тебе уже пора высохнуть — я пошла отсюда. — И она удалилась из комнаты, а Мэри осталась, туже укутывая себе плечи полотенцем.

Взрослой женщиной мисс Гёринг нравилась не больше, чем ребенком. Теперь жила она у себя под Нью-Йорком со своей приживалкой мисс Гэмелон.

Тремя месяцами ранее мисс Гёринг сидела в гостиной, разглядывая безлистные деревья снаружи, и тут горничная объявила гостя.

— Господин или дама? — поинтересовалась мисс Гёринг.

— Дама.

— Проси немедленно, — сказала мисс Гёринг.

Горничная вернулась в сопровождении посетительницы. Мисс Гёринг поднялась с места.

— Здравствуйте, — произнесла она. — Полагаю, что до сего мига я в глаза вас не видела, но будьте добры, садитесь.

Гостья была низкоросла и коренаста, с виду — под или чуть за сорок. Носила она темное и немодное, и если б не большие серые глаза, лицо ее осталось бы во всяком случае непримечательным.

— Я двоюродная сестра вашей гувернантки, — сообщила она мисс Гёринг. — Она у вас прослужила много лет. Вы ее помните?

— Помню, — ответила мисс Гёринг.

— Так вот, меня зовут Люси Гэмелон. Кузина моя постоянно рассказывала о вас и вашей сестре Софи. Я уже много лет собиралась нанести вам визит, но мешало то одно, то другое. Но, опять же, вечно оно так с нами.

Мисс Гэмелон покраснела. Она еще не разоблачилась и сидела в пальто и шляпке.

— У вас прелестный дом, — сказала она. — Полагаю, вам это известно и вы очень это цените.

К тому времени мисс Гёринг уже исполнилась любопытства касательно мисс Гэмелон.

— Чем вы занимаетесь в жизни? — спросила она.

— Боюсь, что немногим. Всю свою жизнь я перепечатывала рукописи знаменитых авторов, но

теперь на авторов, похоже, спроса стало не очень много — ну, или же они сами себя печатают.

Погрузившись в мысли, мисс Гёринг не ответила ничего.

Мисс Гэмелон беспомощно огляделась.

— Вы здесь почти все время или главным образом путешествуете? — внезапно спросила она у мисс Гёринг.

— Никогда не думала о путешествиях, — ответила та. — Путешествия мне без надобности.

— С таким семейным происхождением, как у вас, — проговорила мисс Гэмелон, — полагаю, вы родились уже со знанием обо всем. Путешествовать вам не обязательно. Мне два-три раза выпадала возможность путешествовать с моими авторами. Они были не прочь оплатить все мои расходы, а кроме того — мое полное жалованье, но я никуда не поехала — вот только раз, и то в Канаду.

— Вам не нравится путешествовать, — произнесла мисс Гёринг, не сводя с нее взгляд.

— Мне это не по душе. В тот раз я попробовала. У меня расстроился желудок и не прекращались нервные головные боли. Этого хватило. Я вняла предупреждению.

— Полностью вас понимаю, — сказала мисс Гёринг.

— Я глубоко убеждена, — продолжала мисс Гэмелон, — что нас предупреждают. Некоторые на такие предупреждения не откликаются. Вот тогда-то эти люди и вступают в противоречие. Думаю, на то, что вам странно или же нервно, вы и не годитесь.

— Продолжайте, — сказала мисс Гёринг.

— Ну, к примеру, я знаю, что я не гожусь в авиаторы. Мне всегда снилось, как я разбиваюсь оземь.

Много чего я не стану делать, пусть даже меня сочтут упрямой ослицей. Например, не буду пересекать большой водоем. Мне б досталось все, чего я хотела, если б я только переплыла океан в Англию, но я ни за что этого делать не стану.

— Что ж, — произнесла мисс Гёринг, — давайте выпьем чаю с сэндвичами.

Мисс Гэмелон ела прожорливо и хвалила мисс Гёринг за хорошую еду.

— Мне нравится питаться хорошим, — сказала она; — хорошей еды мне теперь не хватает. Была, когда я работала у авторов.

Допив чай, мисс Гэмелон стала раскланиваться с хозяйкой.

— Я весьма светски провела время, — сказала она. — Мне бы хотелось задержаться и подольше, но сегодня я обещала своей племяннице, что после-жу вместо нее за детьми. Она собирается на бал.

— Должно быть, мысль об этом вас очень угнетает, — произнесла мисс Гёринг.

— Да, вы правы, — ответила мисс Гэмелон.

— Приходите же вскорости еще, — сказала мисс Гёринг.

На следующий день горничная объявила мисс Гёринг, что у нее гостя.

— Та же дама, что заходила сюда вчера, — сказала она.

«Так-так, — подумала мисс Гёринг, — это хорошо».

— Как вы себя сегодня чувствуете? — спросила у нее мисс Гэмелон, входя в комнату. Говорила она очень естественно и, похоже, вовсе не считала странным, что вернулась так скоро после своего первого визита. — Я думала о вас всю минувшую ночь, — сказала она. — Забавно это. Всегда счита-